

Аркадий Мар

ВАЛЬС
для
НАТАШКИ

Аркадий Мар

Вальс для Наташки

«У Никитских ворот»

2020

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Мар А.

Вальс для Наташки / А. Мар — «У Никитских ворот», 2020

ISBN 978-5-00170-069-2

Каждый взрослый – немного ребёнок. Поэтому смело присоединяйтесь к своим детям, читающим эту книгу. Погружаясь в неё, вы вспомните захватывающий мир приключений собственного детства, казалось, давно забытого в череде повседневных забот, но живущего глубоко в вашей памяти.

Так вспомните то прекрасное время, когда вы были ребёнком! Аркадий Мар – прозаик, член СП СССР, России, Москвы и международного ПЕН-клуба, главный редактор газеты «Русскоязычная Америка» (Нью-Йорк). Автор четырнадцати книг повестей и рассказов. Лауреат всесоюзных и всероссийских премий. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00170-069-2

© Мар А., 2020
© У Никитских ворот, 2020

Содержание

Проза для чтения вслух	6
Вальс для Наташки	8
Вальс для Наташки	8
Король и белый щенок с золотыми веснушками	11
День, полный приключений	13
Каждый охотник желает знать, где сидит фазан	16
Фрегат	19
Выставка породистых собак	23
Подарок	29
Десять тысяч журавликов	32
День бега	36
«Дон» и «Магдалина»	40
Крейсер «Аврора»	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Аркадий Мар

Вальс для Наташки

© А. Мар, 2020

© А. Ходыревская, иллюстрации, 2020

© Оформление. Издательство «У Никитских ворот», 2020

* * *

Елене Скоробогатовой – с благодарностью и любовью

Проза для чтения вслух

Таких книг, как эта, сейчас остро не хватает. У нас до сих пор, несмотря на резко меняющиеся реалии, в чести тексты, отражающие тёмные стороны человеческой натуры, а всё остальное считается не рыночным, не ликвидным, не имеющим спроса. Не буду оригинальным, если скажу, что такое положение дел просто возмутительно. Это искривляет нашу литературу, негативно сказывается на читательском сознании, заводит в тупик многие процессы на книгоиздательском поле. Но надежды на перемены не иссякнут, пока выходят такие книги, как «Вальс для Наташки» Аркадия Мара.

Добрую половину книги занимает произведение «Вальс для Наташки». По жанру – это повесть в новеллах. Подобное построение только на первый взгляд кажется простым. Многие авторы, использующие его, не понимают, что новеллы недостаточно поставить друг за другом, чтобы они объединились в целое. Аркадий Мар действительно связывает отдельные сюжеты в один, и дело здесь не только в общих героях, а в удивительной общей интонации. Каждая новелла – это фрагмент пазла, который к концу повествования складывается в цельную и гармоничную картину, удивительно притягательную и зовущую читателя внутрь.

Одно из важных свойств прозы писателя Мара – это создание притягательного мира, к которому хочется прикоснуться. Почему? Потому что этот мир добрый, – нет, из него не выхолощено зло, автор не сторонится драматизма (так, с первых страниц мы узнаём, что мать главной героини, шестилетней Наташки, умерла и живёт только на фотографии), но добро преодолевает тьму без всяких вариантов. И это важнейшее свойство прозы Аркадия Мара. Оно подкупает.

Однако перед читателем предстают далеко не сусальные дидактические истории. Текст книги очень живой, выстроенный по всем законам прозы, имеющий длиннейший шлейф подтекста и написанный уверенной, хорошо поставленной рукой.

Надо сказать, что писать о детях очень трудно. Тут легко сбиться на искусственность, на своеобразное сюсюканье, допустить фальшивые ноты. Мар всех этих опасностей счастливо избегает. Он постоянно меняет ракурс, точку видения. Повествование то ведётся с точки зрения девочки, то с точки зрения её замечательного отца, то от лица других героев. И всякий раз это отдельные, трогательные истории, которые объединяет сама жизнь, запечатлеть чьё размеренное течение и есть цель и задача литературы.

Отец и его дочь Наташка проходят через всю повесть. Поначалу мы не понимаем многого о них, даже того, где они живут. Но шаг за шагом автор раскрывает нам детали их бытования, окружает их людьми, ситуациями, добавляет к их характерам новые чёрточки. Вот как он тонко и красиво намекает, что действие происходит в советском восточном городе, скорее всего, Ташкенте:

*«– Счастливого пути! – сказала Наташка и разжала пальцы.
Фрегат секунду помедлил, словно прощаясь с нами, мгновенно набрал
скорость и понёсся по блестящей серебряной воде.
Мы стояли и смотрели ему вслед.
Ему предстояла долгая, трудная дорога.
Из арыка, за Парком культуры, попасть в канал Бурджар, плыть по
быстрому Чирчику, где всегда холодная вода и много водоворотов. И только
потом будет большая река Сырдарья, которая через весь Узбекистан течёт
на север, в Аральское море».*

Конечно, в прозе Аркадия Мара что-то есть и от Носова, и от Голявкина, и от других детских классиков. Но мне кажется, что иные его творческие установки свободней и раздоль-

ней. То чувство свободы и гигантского пространства, что заложено в только что процитированных строках, сопровождает нас на каждой странице. Мир ребёнка удачно сопоставляется с большим миром, который пока мечта, пока фантазия, но это тот простор, до которого надо дорасти героине. Такая парадигма выглядит на редкость романтично. Классической советской детской литературе подчас не хватало романтизма, он заменялся назидательностью. У писателя Мара романтизм – основа его эстетики, причём романтизм этот не от «бури и натиска», а из желания видеть во всём, даже в самом обыденном, особенное, интересное и интригующее. А что для ребёнка важнее всего? Интрига. Постоянное ощущение того, что дальше будет ещё интересней. И в жизни, и в книге.

Образы Наташки, центра притяжения всех смыслов текста, и её отца, основного повествователя, – ключевые для понимания фабулы и композиции. Но образы мальчиков, Альберта и Вадика, также выписаны очень выпукло. Этим ребятам явно будет нелегко в жизни, но все сложности они будут преодолевать за счёт искренности и чистоты, а не с помощью уловок и манипуляций.

На это свойство книги Аркадия Мара стоит обратить особое внимание. Описывая детей, он чётко даёт понять, какими видит их во взрослой жизни. И становится любопытно: если у героев есть прототипы, удалось ли автору понаблюдать за тем, кем они стали, когда выросли?

Формально повествование о Наташке заканчивается с окончанием текста, давшего название всей книге. Далее идёт другая проза писателя, с другими героями и событиями. Иногда и более взрослая. Но тон, заданный «Вальсом для Наташки», продолжает звучать. Этот нескончаемый камертон настроен так, что остальные герои и сюжетные коллизии подстраиваются под него.

Вся проза Аркадия Мара прекрасно воспринимается на звук. В ней нет ни капли фонетической и смысловой фальши. Я с удовольствием читал бы её вслух. А уже те, кто бы её слушал, уверен, сказали бы мне спасибо, как скажут спасибо автору все благодарные будущие читатели этой книги.

Максим Замишев, главный редактор «Литературной газеты», первый заместитель председателя МГО Союза писателей России, член Президиума Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, президент Академии поэзии

Вальс для Наташки

Повесть в новеллах

Вальс для Наташки

Наташка крепко прижимает к себе жирафа Лёньку и шепчет:

– Только не спать, только не спать.

Да, сейчас она очень боится заснуть, ведь завтра день её рождения, и ей так хочется поймать ту минутку, когда исполняется целых шесть лет, когда вырастаешь сразу на целый год.

Перед тем как лечь, она попросила отца сделать отметку на двери. Стояла она честно – даже не поднялась ни разу на цыпочки, и чёрная карандашная чёрточка пришлась чуть ниже дверной ручки. Интересно, где будет эта смешная чёрточка завтра, – утром Наташка обязательно измерится опять...

Но сейчас нужно закрыть глаза и притвориться спящей: отец подходит к её кровати. Глаза не хотят закрываться, хочется засмеяться, и поэтому пришлось перевернуться на живот и уткнуться в подушку.

Отец что-то положил рядом с её кроватью. Наташка уже знает: это подарок. Большой свёрток, завёрнутый в целлофан и перевязанный красной шёлковой лентой. Отец прятал свёрток в шкафу, но её не проведёшь – она сразу поняла, что это подарок.

Но что же там? Может, кукла? Может, смешной надувной крокодил? Интересно бы посмотреть. Но сейчас ей некогда, и она потерпит до утра.

Отец выключил лампу, и стало совсем темно. Раньше Наташка боялась темноты и даже визжала от страха. Теперь же приятно чувствовать себя большой и сильной. Пусть будет совсем-совсем темно – ей ни капельки не страшно. Она может даже встать и, не зажигая света, пойти на кухню или в ванную. Только неохота...

В соседней квартире медленно начали бить старинные часы, и Наташка про себя считает их удары. Где она слышала, что день рождения наступает ровно в двенадцать часов ночи, Наташка забыла, но это уж точно, и поэтому теперь нужно вытерпеть и не заснуть.

Но целый, целый час – как ещё долго...

Наташка поворачивается на бок и смотрит на стену. Над её кроватью висит большая фотография. Сейчас темно – фотографии не видно, но Наташка на память может сказать, что на ней сфотографировано.

На этой фотографии живёт её мама. Пусть говорят, что люди, которые умерли, не возвращаются, но Наташка знает: когда-нибудь мама сойдёт с фотографии и опять будет жить вместе с ними. Только нужно очень этого хотеть... Наташка представила, как мама шагнёт с фотографии прямо в комнату, крепко-крепко обнимет её и спросит:

– Ну как вы там, соскучились без меня?

А пока Наташка сама ухаживает за отцом: ведь отец такой неприспособленный. Так про него сказала соседка Мария Степановна...

О чём бы ещё вспомнить?

Вчера Наташка вытирала полотенцем шкаф – и он вдруг заблестел так, что в его полированных створках отразилась смешная девчонка со съехавшим на затылок бантом и высунутым от усердия языком. Наташка высунула язык ещё больше и показала его шкафу. И противный шкаф сделал то же самое...

Как хочется спать... Наташкины глаза стараются закрыться, и она сильно-сильно трёт их руками. Она трёт глаза и жирафу Лёнке – пусть тоже не спит. Её жираф очень хороший – он умеет внимательно слушать и никогда не говорит, как отец: «Мне некогда»...

Сейчас Наташка расскажет ему о своей мечте. Слушай, жираф Лёнка. Слушай внимательно и не спи. Каждый день, возвращаясь из сада, Наташка тянет отца к соседней девятиэтажке. Там на втором этаже живёт мальчик. Знакомых мальчиков у Наташки много, но этот не такой, как остальные. Он умеет играть на скрипке. Наташка часто подходит к его дому и, затаив дыхание, долго стоит неподвижно. Она слушает... И иногда мальчик начинает играть. Простенькие звуки вальса поднимаются в небо, и Наташке начинает казаться, что всё вокруг останавливается, замирает и на всей-всей земле остаётся только одна музыка.

У Наташки почему-то щиплет в глазах, прозрачные капли скатываются по щеке. Как странно. Ведь ей совсем не хочется плакать...

И Наташка мечтает о том дне, когда возьмёт эту чудесную скрипку, проведёт по её струнам, и вдруг скрипка запоёт, звуки вальса поднимутся высоко в небо, вокруг всё остановится, замрёт, и на всей-всей земле останется только одна эта музыка.

Король и белый щенок с золотыми веснушками

Я приложил руку к Наташкиному лбу, и моя ладонь тотчас стала влажной. Блестящие бусинки пота скатывались вниз, прямо Наташке в глаза, и она нетерпеливо смахивала их.

– Папа, возьми меня на руки, – вдруг попросила Наташка.

– Но ведь ты уже большая. Сейчас тебе нужно спать. Попробуй засни, а завтра будешь совсем здоровой.

– Я ещё маленькая, – не согласилась Наташка, – а раньше ты всегда брал меня на руки. Я буду лежать тихонечко-тихонечко и сразу-сразу засну.

Я укутал Наташку в мохнатое одеяло и взял на руки. Её горячая голова прижалась к моему плечу. Я старался мягко и осторожно ступать на носках, но полы разошлись и тихонечко поскрипывали вослед каждому шагу.

– Папа, расскажи мне сказку.

– Ну вот! Ты же обещала заснуть.

– Пожалуйста, я тебя очень прошу. Хоть самую маленькую сказку.

– Но я не знаю, с чего начать, – сказал я.

Наташка удобнее устроилась у меня на руках и зашептала в ухо:

– Далеко-далеко, за высокими горами, за глубокими морями жил-был Король.

– Далеко-далеко, за высокими горами, за глубокими морями жил-был Король, – повторил я, совершенно не зная, что сказать дальше.

– Ну что же ты молчишь? Даже это не умеешь, – сказала Наташка, и я понял: ещё секунда, и она заплачет.

В наше окно заглянула луна и вдруг расстелила по комнате серебряную фольгу. Я посмотрел в Наташкины блестящие, наполненные слезами глаза и начал снова:

– Далеко-далеко, за высокими горами, за глубокими морями жил-был Король.

– И у него были усы, – быстро подсказала Наташка.

– Хорошо, пусть. И у него были усы.

Я знал, почему она сказала про усы. Мой товарищ Алексей носил роскошные усы, и Наташка обожала, забравшись к нему на колени, наматывать на пальцы пушистые завитки.

– А когда Король пил водку, как ты с дядей Лёшей, то пел песню «Отговорила роща золотая».

– Наташка, – обиделся я. – Во-первых, мы не пьем водку, ну ладно, иногда и чуть-чуть, а во-вторых, не буду больше рассказывать сказку, раз ты такая умная.

– Не будешь рассказывать – я буду долго болеть, потом умру, и тебе больше никто не будет вытирать пыль и мыть посуду.

Я испугался и стал думать, что бы ещё сделать с этим проклятым Королём...

– Жил Король в большом красивом дворце из сорока шести комнат.

– Нет, – перебила Наташка. – У Короля не бывает столько комнат. Он живёт в двухкомнатной квартире, как мы.

– Наташка, – возразил я, – сказочным Королям всегда полагается жить во дворцах.

Но Наташка со мной не согласилась.

– Этот Король живёт в двухкомнатной квартире. Я была у него в гостях. Там очень много игрушек, а в ванной из крана течёт вкусный-вкусный лимонад. И ещё у Короля есть белый щенок с золотыми веснушками.

– Не бывает щенков с веснушками.

– Нет, бывает, – обиделась дочь. – Бывает, бывает. Мне он снится каждую ночь. И играет со мной. И Король тоже со мной играет. Мы бегаем по лесу и догоняем друг друга. А когда я устаю и сажусь на землю, щенок подходит, лижет меня и говорит: «Ну поиграй ещё со мной, ну поиграй, пожалуйста. Ведь мне так долго приходится ждать, пока наступит ночь и я вновь тебе приснюсь». И мы снова начинаем играть... А потом я иду к Королю в гости. Король закуривает трубку, пускает дым кольцами и начинает рассказывать разные удивительные истории. А когда мне нужно проснуться, я говорю им: «До свидания. Пожалуйста, приходите ко мне в следующем сне».

– Как зовут твоего щенка?

– Просто щенок. Белые щенки с золотыми веснушками получают имя, когда становятся взрослыми. Щенок сказал: «Когда я вырасту, придумай мне самое красивое имя...» А теперь, папа, положи меня в постель. Я хочу, чтобы они быстрее приснились...

Наташка зажмурила глаза, ровно задышала. Прошла минута, другая, я заметил, что уголки её губ начали приподниматься, рот приоткрылся. Наташка что-то зашептала во сне, и я понял, что она вновь встретилась с Королём и своим щенком с золотыми веснушками.

День, полный приключений

– Наташка, – сказал я за завтраком, – сегодня воскресенье, но мне придётся пойти на работу. Что же с тобой делать?

– Не волнуйся, – ответила дочь. – Вечно ты обо мне волнуешься. Это я должна о тебе волноваться.

– Делать нечего, ладно, оставайся дома. Только поешь вовремя. Что-то ты похудела за последнее время. Кожа да кости остались.

– Ничего ты не понимаешь, – не согласилась со мной дочь. – В саду все говорят, что у меня французская фигура. Это сейчас очень модно.

– Эта мода уже кончилась, – сказал я. – Сейчас во Франции модны очень даже упитанные дети.

– А ты точно знаешь?

– Конечно. Даже по телевизору сообщили.

– Что-то не слышала, – недоверчиво проговорила Наташка. – Ну ладно, тогда доем торт и выпью два стакана компота. А ничего, что тебе торт не достанется? Тебе же не нужно полнеть. Ты ведь и так упитан.

Я не стал спорить, поцеловал дочь, на ходу дожевывая кусок колбасы и пошёл на работу...

Наташка подошла к окну. Во дворе не происходило ничего интересного. Было лишь десять часов, и, наверное, её друг Вадик ещё спал.

Но вот кто-то вышел из соседнего подъезда. Наташка открыла окно настежь, перегнулась через подоконник.

А-а, вспомнила! Вчера, когда она гуляла, к соседнему подъезду подкатила машина, доверху наполненная вещами.

– Смотри, Наташка, новые жилыцы въезжают, – сказала тогда соседка Мария Степановна. – И мальчик там есть. Друг тебе ещё один будет.

Наташка увидела мальчика. Он стоял рядом с машиной и прижимал к себе большую чёрную папку. Наташка хотела подойти посмотреть, что это он прижимает к себе, – может, интересное что-то, но тут её позвал отец, и пришлось идти домой...

Наташка сняла с гвоздя ключ от квартиры, положила в карман, захлопнула за собой дверь и стала спускаться по лестнице. На площадке второго этажа она увидела Катю.

– Хочу с тобой серьёзно поговорить, – сказала Наташка. – Передай своему знакомому, что, если он будет мучить кошек, ему хуже будет.

– Что ты, Наташка! Вечно всё выдумываешь. Очень нужны ему кошки. Он весь день на мопеде гоняет. Хочешь, попрошу, тебя тоже покатает?

– Не нужен мне его мопед. И на твоём месте я бы вообще перестала с ним дружить.

– Тебе какое дело, – обиделась Катя. – Я уже в пятом классе учусь и не собираюсь слушать такую малявку, как ты...

Наташка вышла во двор. Настроение было совсем испорчено из-за этой Катки. И тут она вспомнила совет своего друга Вадика.

– Наташка, – говорил он, – когда у тебя плохое настроение, подерись с кем-нибудь. Это всегда здорово помогает!

Наташка уважала Вадика. Он быстрее всех влезал на деревья и заборы, дальше всех кидал камни. Как же можно было не уважать такого талантливого человека? Правда, Наташка ещё

никогда не исправляла настроение таким способом, но попробовать было надо, и она подошла к мальчику.

Она глубоко засунула руки в карманы джинсов, изо всех сил прищурила глаза и сказала басом:

– Ты почему сидишь на моей скамейке?

Но мальчик почему-то не стал говорить: «А тебе какое дело?», как отвечали все другие ребята. Он встал и произнёс совсем другие слова:

– Извини, пожалуйста. Я не знал, что это твоя скамейка.

«Да, – подумала Наташка. – Очень необычный мальчик». Но настроение пока не исправлялось, и она решила попробовать ещё раз. К чему бы ещё придаться? Но в голову ничего не приходило, и она просто вытащила руку из кармана, сжала её в кулак и ткнула мальчика в бок.

Затем отскочила назад, приняла боксёрскую стойку, как учил её Вадик. Но мальчик вдруг молча повернулся к ней спиной и пошёл к своему подъезду.

– Стой! – закричала Наташка. – Почему ты со мной не дерёшься? Ты, наверное, трус. Трус!

– Нет, – сказал мальчик. – Я не трус. Просто мне нельзя драться. Я музыкант.

– Музыкант... – удивилась Наташка. – А на какой музыке ты играешь?

– На фортепиано. И уже за второй класс.

Да, это был совершенно необыкновенный мальчик.

– Как тебя зовут? – спросила Наташка.

– Альберт.

И имя у него было необыкновенное!

– А меня – Наташка... Знаешь, Альберт, ты теперь во дворе никого не бойся. Я лично буду тебя защищать.

– А я тебя научу играть на фортепиано. Хочешь?

– Конечно. Когда начнём?

– Хоть сейчас.

Они вошли в подъезд, поднялись по лестнице, и Альберт нажал кнопку звонка.

– Мама, это Наташка, – сказал Альберт. – Мы с ней уже подружились.

– Очень хорошо, – похвалила мама. – Пока поиграйте во что-нибудь, а я обед приготовлю.

– Смотри, это моя комната, – объяснил Альберт. – Только в ней ещё беспорядок.

– Не волнуйся, вы же только вчера переехали, – успокоила его Наташка. – А чей портрет на стенке висит? Твоего дедушки?

– Что ты, Наташка! Это великий композитор Чайковский. Вот, послушай, эта пьеса называется «Болельщик куклы».

Альберт сел за фортепиано и начал играть.

– Ну как, понравилось? – поинтересовался он.

– Вообще-то от Чайковского я большего ожидала, – сказала Наташка. – А что, он сочинял только грустную музыку?

– Нет, почему, например «Танец маленьких лебедей» – очень даже весёлая пьеса.

– Эту вещь я знаю, – обрадовалась Наташка. – Под неё настоящие балерины танцуют! А для чего большая чёрная папка нужна?

– Там ноты лежат. Я с ней в музыкальную школу хожу.

– Хочу тебя попросить, – сказала Наташка. – Когда в следующий раз пойдёшь в музыкальную школу, можно за тебя папку понести?

– По-моему, очень вкусный кисель получился, – мама Альберта вошла в комнату с двумя стаканами в руках. – Ну-ка, налетайте!

Наташка взяла стакан, подошла к окну. И вдруг, резко повернувшись, побежала к двери.

– Беги за мной! – крикнула она Альберту. – Он опять кошку мучает!

– Куда вы? – спросила мама Альберта. – Допейте хоть кисель, сумасшедшие!

Но они уже через две ступеньки неслись вниз по лестнице...

Возле третьего подъезда, где выбито стекло, стоял красивый красный мопед. Рядом с ним второгодник Максимов из соседнего дома держал кошку за хвост. Голова её моталась внизу, кошка отчаянно мяукала и извивалась, стараясь освободиться.

– Отпусти кошку, отпусти! – закричала Наташка. – Ты зачем её мучаешь?!

– А тебе какое дело? Твоя она, что ли?

– Ты... Ты... Живодёр, – тихо сказала Наташка.

– Что? Сейчас получишь за живодёра! – Максимов толкнул Наташку, и она отлетела в сторону.

– Не смей обижать женщин! – крикнул Альберт, подбегая. Он сжал кулаки и бросился в атаку. Но через секунду оказался на земле рядом с Наташкой.

Наташка вскочила, утёрла рукавом слёзы и вдруг, подняв камень, бросилась к мопеду.

Удар – и на красивом лакированном баке образовалась вмятина.

Удар – и вдребезги разлетелась фара.

– Ты что делаешь!!! – заорал Максимов.

– Отпусти кошку, – сказала Наташка. – А то совсем разобью.

– Ладно, забирай свою паршивую кошку, – сказал Максимов. – Вечером я к твоему отцу приду. Пусть за ремонт заплатит!

Он отпустил кошку, завёл мопед и уехал...

– Какая ты смелая, – сказал Альберт. – А я испугался.

– Если честно-честно, – призналась Наташка, – мне тоже страшно было... Смотри, у кошки что-то с лапой случилось!

Кошка сидела посредине двора, облизывала переднюю лапу и жалобно мяукала.

– Отнесём ко мне, – предложила Наташка и взяла кошку на руки...

– Когда у меня что-то болит, – сказал Альберт, – мама всегда даёт мне порошки.

– И папа меня так же лечит, – подтвердила Наташка.

Она выдвинула ящик серванта, достала большую картонную коробку.

– Смотри, сколько у нас разных лекарств, – сказала она. – Только как узнать, какие кошке нужны?

– Давай их все смешаем, – предложил Альберт. – Одно из них обязательно поможет... Смотри, твой отец пришёл!

– Что тут у вас происходит? – поинтересовался я, входя в комнату.

– Мы кошку лечим, – объяснила дочь. – Смотри, какая пушистая.

– Кажется, сегодня у вас был день, полный приключений? – заметил я.

– Ты садись. Мы тебе сейчас всё расскажем, – сказала Наташка.

Каждый охотник желает знать, где сидит фазан

Большой белый голубь вдруг резко взлетел с ветки старого тополя и кругами начал ввинчиваться в небо.

Наташка козырьком приложила ладонь к глазам и, щурясь на оранжевое солнце, сидящее на крыше соседней девятиэтажки, спросила:

– Интересно, куда это он полетел?

Я на секунду оторвался от газеты «Советский спорт» и не думая пробормотал:

– М-м... Наверное, в тёплые края.

– В Африку? – мгновенно догадалась дочь.

– Почему именно в Африку?

– Потому что Африка – самое тёплое место на земле. И потом, расскажи, пожалуйста, что-нибудь про голубей!

Я напрягся и постарался хоть что-то вспомнить из прошлогодней передачи «В мире животных».

– Голуби бывают разных видов, – медленно начал я. – Например, почтовые. В старину, когда не существовало современных средств связи, они доставляли важные сведения... Э-э, есть ещё турманы, лохмачи...

– Ага! – обрадовалась Наташка. – Лохмачей я у рыжего Петьки видела. На его крыше все голуби лохматые.

– На какой крыше?

– Ну где Петькина голубятня.

– Ты что, на крышу лазила? – испуганно спросил я.

– Ты, папа, не волнуйся, – успокоила меня Наташка. – Высоты я ни капельки не боюсь. Петька даже говорит, что поэтому меня можно в отряд космонавтов зачислить.

– Наташка, ну что тебе на крыше делать? – попытался я уговорить дочь. – Оттуда ведь свалиться можно... Представь себе, можно! – строго закончил я, увидев, что дочь собирается спорить.

– А хочешь, тебе тайну открою? – вдруг сказала Наташка. – Только обещай, что никому не расскажешь.

Я кивнул. Наташка наклонилась ко мне и прошептала:

– На этой крыше «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан» живёт.

– Кто-кто? – переспросил я. – Какой ещё охотник?

– Который желает знать, где сидит фазан! Ну присказка есть такая. Чтобы легче запомнить.

Я отложил газету и насторожился. Наташка презрительно посмотрела на меня и произнесла:

– Ты что, никогда маленьким не был? Этой присказке, наверное, уже лет сто... Слушай!.. Красный. Оранжевый. Жёлтый. Зелёный. Голубой. Синий. Фиолетовый. А вместе: «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан!» Теперь понял?

– Так это радуга! – догадался я.

– Конечно. Она на этой крыше и живёт.

– Не выдумывай. Совершенно не может быть, чтобы радуга жила на какой-то там крыше! Радуга – сложное физико-оптическое явление, возникающее при разложении белого света на составные цвета спектра, – попробовал объяснить я.

Наташка задумалась, потёрла лоб и не согласилась!

– Никакое она не явление. Она совсем как живая и вся переливается. А появляется, как только присказку произнесёшь.

– Знаешь что, Наташка! – разозлился я. – Ты мне голову не морочь. Надоело выслушивать твои фантазии! Лучше займись делом. Вон в раковине немытая посуда с утра лежит. А сегодня на кухне твоё дежурство!

– Не веришь?! – обиженно произнесла Наташка. – Фантазиями обзываешься? Тогда давай собирайся!

– Куда? – не понял я.

– На крышу. К радуге в гости. И если я всё-всё наврала, то... то... то пусть со мной никто и никогда не дружит. А посуду, не бойся, я и так вымою!

– Хорошо, – сделал я последнюю попытку. – Но зачем же лезть на крышу? Ведь радугу вполне можно с земли наблюдать.

– Как ты не понимаешь? Мы к ней в гости собираемся. А в гости всегда домой ходят!..

Я вытащил с антресолей старые кеды, надел их, закрыл дверь и догнал Наташку уже в подъезде.

Пока мы шли к соседней девятиэтажке, на солнце наползла похожая на лохматого пуделя с разинутой пастью туча, и мне на щеку упала прозрачная дождевая капля.

– Ой! – сказала Наташка. – Сейчас дождь пойдёт.

Я поднял голову.

Тучу насквозь пробивали солнечные лучи, она съёживалась и таяла прямо на глазах, разбрасывая по сторонам редкие тяжёлые дождевые капли.

– Наташка, смотри, слепой дождь, – удивился я. – А я и забыл, когда последний раз его видел...

Лифт в девятиэтажке не работал. Мы поднялись по лестнице до самого конца и через раскрытый чердачный люк выбрались на крышу.

– Иди за мной, – сказала Наташка и прошла вперёд. Она обогнула торчащие во все стороны телевизионные антенны, забытый строителями ржавый железный бак, пустую Петькину голубятню, подошла к краю крыши и взяла меня за руку.

Далеко внизу виднелся наш двор. На скамейке возле песочницы, еле видные сверху, сидели пенсионеры и играли в лото.

– Каждый охотник желает знать, где сидит фазан! – громко произнесла Наташка.

Мы посмотрели вокруг, но всё осталось так же, как и раньше.

Тогда Наташка набрала полную грудь воздуха и закричала изо всех сил:

– Каждый охотник желает знать, где сидит фазан!!!

Гулкое эхо заметалось по крыше, отскочило от неё, отвесно ударило вверх, и тут же сверху неожиданно, вдруг протянулись красные, оранжевые, фиолетовые полосы. Сначала тусклые, они с каждым мгновением разгорались и разгорались, складываясь в тугий семицветный жгут.

Огромная радуга упиралась прямо в нашу крышу и ярко и радостно светила нам с Наташкой.

Мы стояли молча и боялись дышать, чтобы не спугнуть её...

Радуга давно истаяла и пропала, а я всё вглядывался в небо, стараясь заметить и вернуть хоть кусочек этой цветной небесной смальты, частичку из моего полузабытого давнего детства...

Но небо было пустым и чистым...

Лифт в девятиэтажке по-прежнему не работал, и мы, переглянувшись, два пролёта проехали на лестничных перилах.

– Пап, а пап, – сказала Наташка. – А пусть эта радуга будет наша. Ну просто наша, и всё! Я согласно кивнул.

Мы уже подходили к своему подъезду, когда любопытный сосед Сурен Вазгеныч подозрительно взглянул на нас и поинтересовался:

– Ва! Зачем на чужую крышу лазить?

Наташка незаметно хитро мне подмигнула и произнесла: – А мы знакомым антенну чинили. Вот!

Фрегат

– Ну и жарит сегодня! – вздохнула Наташка, вытирая полотенцем взмокший лоб.

Хотя наши окна были раскрыты настежь, воздух в комнате был горячий и душный.

– Интересно, сколько сегодня градусов? – поинтересовался я, взглянув на термометр, висевший за оконной рамой. – Ого, тридцать четыре! Давно такой жары не было.

– Пап, пошли купаться? – предложила Наташка. – Всё равно в такую погоду ничего делать нельзя.

– Только с условием, что сначала выпьешь стакан молока.

– Ну ладно, – неожиданно легко согласилась дочь.

Она взяла треугольный молочный пакет, аккуратно надрезала ножницами верхушку и, запрокинув голову, начала пить.

– Из стакана же удобнее, – заметил я.

Но Наташка со мной не согласилась. Она на секунду оторвалась от пакета и произнесла:

– Зато так вкуснее...

Арык, где мы с Наташкой всегда купались, протекал неподалёку от нашего дома. Вода в нём была желтоватая – наверное, от глинистых берегов, по которым росла дикая ежевика.

Мы поплескались в прохладной воде и вылезли загорать.

Дочь что-то задумчиво начала чертить по земле, потом вдруг спросила:

– Интересно, куда течёт арык?

– Разве не знаешь? Он за Парком культуры впадает в канал Бурджар.

– Да я не об этом! А о том, в какое место из него вообще попасть можно.

Я подумал и уверенно сказал:

– В Аральское море.

– Ну да! Так сразу и в море.

– Конечно, не сразу. Послушай... Наш арык впадает в канал Бурджар. Бурджар – в Чирчик, где всегда холодная вода и много водоворотов. И только потом будет большая река Сырдарья, которая через весь Узбекистан течёт на север, в Аральское море.

Дочь перевернулась на живот, опустила руку в воду. Маленький тополиный листок упёрся в Наташкину ладонь, постоял так, будто отдыхая, потом медленно и неуклюже поплыл дальше.

– Пап, ты когда-нибудь видел море?

– К сожалению, нет, – признался я. – Не приходилось.

– Ну а хоть что-нибудь можешь про него рассказать?

Я напрягся и попытался освежить в памяти полузабытые книги про пиратов и кругосветные путешествия... Но ничего не вспоминалось, и я медленно начал:

– Э-э... Морей на земле очень много. Белое. Чёрное. Жёлтое. Красное...

– А оранжевое есть? – перебила Наташка.

– Оранжевого нет.

– Жаль. Это мой самый любимый цвет... Может, такое море просто ещё не открыли. Как ты думаешь?

Я не стал спорить и продолжил:

– На море бывают приливы и отливы. Штормы – когда очень сильный ветер, и штиль – если ветра нет совсем.

– А я слышала, как море поёт, – сказала дочь.

– Где?

– Павлику из двадцать седьмого дома из самой Феодосии раковину прислали. Большую, красивую, из настоящего перламутра. Мы её по очереди к уху прикладывали. Внутри неё море и живёт. И поёт тихонечко-тихонечко. Ч-ш-ш-ш-ш. Ч-ш-ш-ш-ш... Только потом раковина куда-то задевалась... Папа, а какие корабли по морю плавают?

– Разные. Крейсера. Эсминцы. Подводные лодки. Ледоколы. Пассажирские лайнеры...

– И фрегаты тоже? Я их на почтовой открытке видела.

– Что ты, Наташка. Фрегатом давным-давно не существует.

– Почему?

– Они просто не нужны. Ведь это парусные корабли, и движителем для них служит ветер... Теперь представь, что будет, если на море установится штиль?

Наташка наморщила лоб и сразу догадалась:

– Наверное, как троллейбусы и трамваи, когда в проводах кончается ток.

– В принципе, верно, – похвалил я её. – Только знаешь, мне самому жаль, что эпоха парусного флота закончилась. Наверное, это было прекрасное зрелище. Корабль с наполненными ветром парусами...

– А ты умеешь строгать и вырезать? – вдруг спросила Наташка.

– Зачем? – удивился я.

– Вчера прекрасную деревяшку нашла. Так и знала, что пригодится.

– На что пригодится? – насторожился я.

– Я уже всё продумала! Из неё получится отличный фрегат. А за паруса не беспокойся: у меня материи сколько хочешь наберётся.

– Послушай, – сказал я. – Ну зачем нам делать какие-то там фрегаты?.. Если ты так хочешь иметь корабль, давай купим. Я недавно в магазине видел прекрасную модель торпедного катера.

– Как ты не понимаешь! Ведь гораздо интереснее всё делать своими руками.

– Ну хорошо, – сдался я. – Придётся нам с тобой открыть дома небольшую судостроительную мастерскую.

И мы стали собираться...

Я повертел в руках Наташкину деревяшку, карандашом нанёс отметины, распилил ножовкой, потом вытащил из ящика с инструментами стамеску. Её стальная головка легко вошла в дерево и выбирала тонкие стружки.

– Ой, – сказала Наташка, – какой у фрегата красивый нос получается. Только зачем ты в нём дырку сверлишь?

– Это важная часть у всех парусных кораблей. В отверстие мы потом вставим бушприт. На нём крепятся носовые паруса... Кстати, скоро они понадобятся.

– Надо же, чуть не забыла, – восторгалась Наташка. – Сейчас коробку из шкафа достану, в ней столько материи, на сто парусов хватит.

Пока дочь возилась в соседней комнате, я закончил корму, зачистил корпус шкуркой, вырезал мачты, крепко, чтобы не шатались, вогнал их в пазы, стряхнул с брёвек деревянную крошку, взял кораблик и подошёл к окну.

Я даже не ожидал, что он получится так удачно!

С острым носом и узким корпусом, он чем-то напоминал старинные фрегаты и чайные клипера.

– Наташка! – позвал я. – Ну где же ты?

– Иду, – отозвалась она и тут же появилась с целым ворохом разноцветных обрезков и лоскутков.

– Откуда столько? – удивился я.

– Мне их мать Альберта дала. Она портнихой работает... Ой, неужели уже всё готово?

– Не совсем. Наш корабль ещё нужно оснастить парусами.

– А я уже выбрала для них самую лучшую материю... Смотри!

И Наташка протянула кусок чёрного бархата.

– Правда, красиво? Из него мать Альберта одной артистке платье сшила.

– Кто же паруса делает из бархата? – рассмеялся я. – На них идёт обыкновенная парусина. Вон у тебя как раз кусок.

Мы аккуратно нарезали паруса, прикрепили к мачтам, и Наташка сказала:

– А самое главное забыли!

– Что?

– Каждый корабль имеет название, а наш – нет.

– Правильно, – согласился я. – Ну и как же назовём?

– Можно я сама?

Я кивнул.

Наташка достала свои любимые фломастеры, на минутку задумалась и, высунув от напряжения кончик языка, большими печатными буквами вывела на борту: «ФРИГАТ».

– Так корабли не называют, – возразил я. – И потом, ты ошиблась. Нужно писать «фрегат».

– Но мы же хотели, чтобы у нас был настоящий фрегат, – не согласилась со мной Наташка. – И если он не будет так называться, никто об этом и не догадается. А что ошибка, теперь я всегда буду помнить, что слово «фрегат» через «е» пишется... Пап, а пап, ты не будешь ругаться, если я одну вещь скажу? Давай наш фрегат отпустим. Может, он до самого Аральского моря доплывёт...

Когда мы вышли из дома, оказывается, было уже совсем темно. Наташка шла чуть впереди и бережно прижимала к себе наш кораблик. Мы пересекли пустырь и спустились к арыку. В нём отражалась луна и окрашивала медленную воду в серебристый цвет.

Наташка присела на корточки, осторожно спустила фрегат в воду.

– Ой, смотри, ветер! – удивилась она.

Неизвестно откуда вдруг появившийся ветерок растрепал Наташкины волосы, прошелеstel в кустах ежевики, надул паруса нашего кораблика, и он, как натянутая струна, задрожал под Наташкиными пальцами.

– Счастливого пути! – сказала Наташка и разжала пальцы.

Фрегат секунду помедлил, словно прощаясь с нами, мгновенно набрал скорость и понёсся по блестящей серебряной воде.

Мы стояли и смотрели ему вслед.

Ему предстояла долгая трудная дорога. Из арыка, за Парком культуры попасть в канал Бурджар, плыть по быстрому Чирчику, где всегда холодная вода и много водоворотов. И только

потом будет большая река Сырдарья, которая через весь Узбекистан течёт на север в Аральское море.

Выставка породистых собак

На двери третьего подъезда, где выбито стекло, висел большой лист бумаги:
«Объявление.

23 мая, в воскресенье, в нашем парке состоится выставка породистых собак. Победителям будут вручены ценные призы, грамоты и дипломы. Начало в десять часов утра.

Добро пожаловать на нашу выставку!»

– Да, – задумчиво произнесла Наташка. – Вот бы нам участвовать в этой выставке.
– Но у нас нет породистой собаки, – вздохнул Альберт.
– У нас вообще нет никакой собаки, – заметил Вадик.
– А давайте придумаем, где её достать, – сказала Наташка. – Только думать нужно быстрее. Сегодня суббота, до выставки один день остался.
– Что, если купить? – предложил Альберт.
– У меня в копилке, должно быть, уже рублей шесть накопилось, – сообщила Наташка.
– И у меня пять, – добавил Альберт.
– Сначала нужно узнать, сколько стоит породистая собака, – сказал Вадик. – Пойдёмте к Кудрявцевым. У них страшно породистый бульдог есть...

Вадик нажал кнопку звонка, и в квартире залаяла собака.

– Каким басом лает, – уважительно произнесла Наташка. – Наверное, порода по лаю и определяется.

– Назад, Рекс, назад! – послышался мужской голос. Дверь открылась, и показался лысый мужчина в полосатой пижаме.

– Извините, пожалуйста, – сказал Альберт. – Мы хотели узнать у вас одну вещь.

– Какую?

– Это породистая собака?

– Ещё бы, Рекс – призёр трёх выставок, медалист. А масть какая – во всём городе такой нет! Рекс, к ноге, сидеть!

Рекс подошёл, презрительно посмотрел на ребят, открыл огромную, похожую на ведро, пасть, зевнул и, плюхнувшись на подстилку, закрыл глаза.

– Да, – сказал Вадик восхищённо, – он, наверное, на любой выставке первое место займёт.

– Вы Рекса не продадите? – спросила Наташка. – Не волнуйтесь, у нас деньги есть.

Лысый мужчина подумал, помолчал, почесал затылок и наконец ответил:

– Пожалуй, можно. А то на работе командировками совсем замучили, с собакой гулять некому... За четырёста рублей продам.

– А за меньше нельзя? – поинтересовался Альберт. – У нас только одиннадцать.

– Одиннадцать – как раз на покупку курицы хватит... Рекс, домой!

Рекс открыл сначала один глаз, потом другой, лениво встал, потянулся, вошёл в квартиру, и дверь закрылась.

– Что же делать? – грустно спросил Альберт.

– Придумал! – воскликнул Вадик. – Попросим просто одолжить Рекса на один день!

И они позвонили снова.

– Вы ещё здесь? – удивился мужчина в пижаме.

– Завтра в парке выставка собак, – сказала Наташка. – Одолжите Рекса на один день. Только на один!

– Ещё чего придумали! Так и доверю вам собаку. Рекс, голос!

Из-за двери выглянул Рекс, грозно округлил глаза и громко пролаял: «Гав! Гав!»

И дверь опять закрылась.

– Теперь уже ничего не придумаешь, – грустно сказала Наташка...

На скамейке возле песочницы сидела соседка Марья Степановна и читала журнал «Здоровье».

– Вы что такие грустные? – поинтересовалась она.

– Да вот хотели участвовать в выставке, – за всех ответила Наташка. – Только собаку достать не можем.

– Не люблю собак, – сказала Марья Степановна. – От их лая только голова болит. Вот кошки – другое дело!

– А породистые кошки бывают? – спросил Альберт.

– А то как же! Недавно в газете прочитала. В Америке одну кошку за десять тысяч долларов продали!

– Ну? – удивилась Наташка. – За так много! А Рекс всего четыреста рублей стоит!

– Марья Степановна, дорогая, вы в кошках хорошо разбираетесь? – с надеждой спросил Вадик.

– Конечно. Я тебе, милый, про любого кота такое могу рассказать, ни один профессор не знает.

– Наташка, подойди на минутку! – тихо позвал Вадик, и они отошли в сторону. – Слушай, – зашептал он, – принеси кошку. Ну ту, которую у живоде́ра Капитонова отобрали. Может, она породистой окажется?

И Наташка со всех ног побежала в свой подъезд...

Она открыла дверь, заглянула под диван, на кухню, увидела кошку, сидящую на холодильнике, прижала её к груди и заспешила назад.

– Марья Степановна, посмотрите, – попросила Наташка.

– Какая пушистая. Ну-ка, дай!

Она взяла кошку на руки, погладила, повернула к себе и стала почёсывать за ушами. Кошка закрыла глаза и довольно замурлыкала.

– Очень хорошая кошка, – одобрила Марья Степановна. – И родословная у неё, наверное, неплохая.

– А что такое родословная? – поинтересовался Вадик.

– Как тебе объяснить?.. А-а, придумала! Как зовут твоего отца?

– Володя.

– Маму?

– Марина.

– Дедушку?

– Дедушка Иван.

– А бабушку?

– Баба Нюра.

– Вот ты и рассказал свою родословную.

– А зачем родословная кошкам?

– Так и узнают по родословной, породистая она или нет. Понятно? Ну я пойду, мне ещё в магазин успеть нужно.

Она встала со скамейки, кошка недовольно заворчала, приоткрыла жёлто-зелёный глаз и спрыгнула на землю...

– Ура! – закричал Вадик. – Теперь мы тоже в выставке можем участвовать. У нас породистая кошка есть!

– Но сначала нужно узнать, как зовут кошковых родителей, – напомнил Альберт.

Наташка подняла кошку на руки и попросила:

– Кошечка, милая, как звали твою маму и папу?

Но кошка молчала.

– Так она тебе и скажет, – засмеялся Вадик. – Самим нужно придумать самую лучшую родословную, чтобы первое место занять. Сейчас принесу учебник истории, по нему сестра в институте занимается. Из него и возьмём...

– Пиши, – сказал Вадик, вернувшись, и протянул Альберту большой лист бумаги и красивый фломастер. – Только красиво пиши!

Он открыл учебник, полистал страницы.

– Вот! «Король Артур и рыцари Круглого стола». Пиши: отец – Король Артур и рыцари Круглого стола!

– Как красиво, – задумчиво произнесла Наташка. – Король Артур и рыцари Круглого стола.

– А мать как назовём? – напомнил Альберт.

Вадик полистал учебник ещё.

– Здесь только про мужчин да про мужчин, – сказал он.

– Я знаю! – заявила Наташка. – Вчера кинопанораму смотрела... Давайте назовём – Знаменитая итальянская киноактриса Софи Лорен.

– А что, – согласился Альберт. – Отец – Король Артур и рыцари Круглого стола, мать – Знаменитая итальянская киноактриса Софи Лорен. Очень даже хорошая родословная получается.

– Так, пошли дальше, – сказал Вадик. – Теперь дед нужен. Вот послушайте: «Король Англии из династии Плантагенетов Ричард Львиное Сердце участвовал в крестовых походах и отличался большой храбростью».

– Какое красивое имя, отчество и фамилия, – обрадовалась Наташка. – Я таких никогда не встречала.

– Ну, я пишу, – сказал Альберт. – «Дедушка – Король Англии из династии Плантагенетов Ричард Львиное Сердце участвовал в крестовых походах и отличался большой храбростью». Теперь только одно имя осталось. Можно я его придумаю?

– Конечно, – разрешил Вадик.

– Пиковая дама!

– А кто это такая?

– Опера, её сам Чайковский сочинил.

– А-а, – протянул Вадик. – Если сам Чайковский – тогда можно. Читай сначала, как получилось.

Альберт набрал побольше воздуха и с выражением прочёл:

– Отец – Король Артур и рыцари Круглого стола. Мать – Знаменитая итальянская киноактриса Софи Лорен. Дедушка – Король Англии из династии Плантагенетов Ричард Львиное Сердце участвовал в крестовых походах и отличался большой храбростью. Бабушка – Опера самого Чайковского «Пиковая дама».

– Здорово! – восторженно произнесла Наташка. – Да с такой родословной мы обязательно займём первое место!

– Самое главное забыли, – напомнил Вадик. – Кошке тоже нужно имя придумать! Назовём её... «Харлей-Дэвидсон» – самый лучший мотоцикл в мире. Когда вырасту, у меня такой же будет!

– А меня на нём покатаешь? – попросила Наташка.

– Конечно, все тебе страшно завидовать будут!..

...Следующим утром Наташка ещё лежала в постели, когда со двора раздался голос Альберта.

Наташка быстро оделась, на ходу, путаясь в шнурках, сунула ноги в кеды, схватила кошку и бросилась к двери.

– Ты что так долго спишь? – сказал Альберт. – Я даже устал тебя кричать. И Вадика ещё нет.

– Давай сами за ним зайдём.

Двери им открыла мама Вадика.

– Вадик простудился, – сообщила она.

– Мама, кто это пришёл? – спросил Вадик из соседней комнаты.

– Это мы, – ответила Наташка.

Вадик, тепло одетый и с перевязанным горлом, появился в дверном проёме.

– Мамочка, можно я с ними пойду? – попросил он. – Я честно-честно с завтрашнего дня болеть буду.

– Ну нет, – строго сказала Вадикина мама. – Сегодня посидишь дома, а завтра будешь совсем здоров. Придётся твоим друзьям обойтись без тебя.

– Не волнуйся, – сказал Альберт. – Болей спокойно. Мы потом к тебе зайдём и всё расскажем.

– Какая кошка красивая, – сказал Вадик. – Пушистая-пушистая.

– Я её вчера вечером в польском шампуне искупала, – объяснила Наташка. – А она мне все руки расцарапала. Не знаю, почему кошки так купаться не любят?

– А как вы её на выставку понесёте? – спросил Вадик.

– В руках, конечно, – ответил Альберт.

– Вдруг убежит по дороге? Нужно её в сумке нести.

И Вадик принёс спортивную сумку.

– Вот ещё лента, у сестры взял. Завяжи, Наташка, ей бант. Только красиво.

Наташка взяла широкую жёлтую шифоновую ленту, и на шее у кошки появился пышный бант.

Они осторожно опустили кошку в сумку и застегнули молнию.

– Бегите быстрее, – сказал Вадик. – Уже целых десять часов...

В парке играла музыка и было очень много людей. Альберт и Наташка прошли по аллее и увидели большую заасфальтированную площадку, полную собак и их хозяев.

– Смотри, вон выставка! – сказал Альберт, и они подошли поближе.

– Тоже участвуете? – спросил их уса́тый мужчина с большим чёрным догом на поводке. – Какая у вас собака, болонка?

– Не-а, – гордо ответила Наташка. – У нас с самой лучшей родословной!

– Идите зарегистрируйтесь, – посоветовал хозяин дога. – Это там, где жюри сидит.

И они пошли мимо сидящих и лежащих собак. Все собаки почему-то вытягивали морды к Наташкиной сумке, начинали громко лаять и рваться с поводков.

– Дяденька, – обратилась Наташка к седому мужчине в очках, стоявшему у столика с табличкой «Регистрация участников». – Это вы регистрируете?

Он повернулся к ним, внимательно посмотрел и поинтересовался:

– А что, вы тоже участники?

– Конечно, – произнёс Альберт. – У нас всё по правилам. И родословная есть, – и он протянул родословную.

Седой мужчина взял родословную, развернул и вдруг рассмеялся.

– Где же он, ваш Харлей-Дэвидсон? – спросил он. – Можно на него посмотреть?

Наташка поставила сумку на землю, потянула замок – из сумки высунулась кошкиная голова, потом пышный жёлтый бант. Кошка испуганно оглянулась, увидела собак, выпрыгнула из сумки и отчаянно помчалась со всех ног.

– Стой! – закричала Наташка. – Стой!

Но кошка была уже далеко, потом она перемахнула через забор и исчезла совсем. Из Наташкиных глаз ручьём потекли слёзы.

– Ну что ты, – сказал седой мужчина. – Ты же уже большая. Не нужно плакать.

– Мы так готовились, так готовились, – сквозь слёзы говорила Наташка. – Тоже хотели участвовать. Только собаки у нас нет.

– Как ваши фамилии?

– Её – Чеснокова Наташка, а моя – Юлдашев Альберт.

– А я директор выставки Сергей Иванович. Приглашаю вас её посмотреть. А за кошку не бойтесь. Она, наверное, прямо домой побежала. Садитесь за мой столик, я сейчас приду...

– Открываю нашу выставку! – громко объявило радио. – Сначала состоится парад участников.

В параде участвовали самые разные собаки: большие и маленькие, очень большие и совсем крошечные, чёрные и белые, коричневые и ослепительно рыжие. Они гордо шли рядом со своими хозяевами, высоко подняв головы, и презрительно смотрели на других собак...

Выставка продолжалась, наверное, целых два часа. Наконец все собрались в центре площадки.

– А сейчас, – объявило радио, – называем победителей! Первый приз получает сенбернар по кличке Лорд.

Радио заиграло туш, и Сергей Иванович одел медаль на шею собаки, а затем пожал руку её владельцу и вручил красивый диплом.

– Какая большая собака, – уважительно сказала Наташка. – Вот бы её зимой в санки запрячь!

– Сразу половину двора увезёт, – согласился Альберт.

А по радио вызывали всё новых и новых победителей...

И ВДРУГ!!!

– Приглашаются самые юные участники нашей выставки: Чеснокова Наташа и Юлдашев Альберт!

– Это же нас, – почему-то шёпотом произнёс Альберт. – Нас вызывают!

– За активное участие в выставке Альберт и Наташа награждаются Почётным дипломом. Сергей Иванович торжественно вручил им дипломы и сказал:

– Ещё для вас есть маленький сюрприз, – и... протянул рыжего лохматого щенка. – Это породистый щенок, терьер. Вот только имени у него ещё нет. Ухаживайте за ним хорошо. И приходите за консультацией...

Они шли домой через весь парк и гордо смотрели по сторонам. Ещё бы, ведь теперь у них тоже была собака. Страшно породистая собака – терьер!

Альберт шёл впереди, размахивая дипломами, и всё время оглядывался на Наташку. Она прижимала щенка к лицу, зарывалась носом в его рыжую мохнатую шерсть. Щенок щурил блестящие карие глаза и иногда малиновым шершавым язычком начинал облизывать Наташкин нос.

– А как мы его назовём? – спросил Альберт.

– Конечно, Харлей-Дэвидсон, – ответила Наташка.

Подарок

– Послушай, Альберт, – сказала Наташка. – Я с тобой хочу посоветоваться.

Они сидели на скамейке возле песочницы, где по вечерам собираются пенсионеры, и Альберт, наклонившись, палкой задумчиво что-то чертил по песку.

– Понимаешь, у папы завтра день рождения, а я никак не придумаю, что ему подарить.

– Подарить можно что хочешь, – отозвался Альберт. – Я, например, маме подарил духи.

– Скажешь тоже! Духи только женщинам дарят.

– Почему? Моему отцу на работе преподнесли французский одеколон. Зелёная такая бутылочка. А пахучий! Я чуть-чуть на себя вылил – так запах две недели держался!

– Не-е, – отказалась Наташка. – Мне нужно что-нибудь необычное, а ты с одеколоном пристаёшь. Сам подумай! Одеколон этот скоро кончится – вот подарка уже и нет.

– Тогда не знаю... А что твой отец любит?

– Любит?.. Газету «Советский спорт», конфеты, лежать на диване. Не любит мыть посуду. Обожает свою работу – даже домой часто расчёты приносит. Потом цветы, меня, конечно... ходить в гости – но почему-то редко получается... Что ещё?.. А, вот! Читать про путешествия в дальние страны, смотреть футбол и хоккей по телевизору, собирать мои рисунки – целая папка уже набралась. Подожди, сейчас ещё вспомню... И когда-нибудь увидеть море!

Наташка перевела дух и остановилась.

– Да, – вздохнул Альберт. – Тут в два счёта запутаться можно, что подарить.

– Вообще-то сначала я хотела нарисовать море, – неуверенно произнесла Наташка.

– Ну и нарисуй. Это же просто! Закрашиваешь бумагу в синий цвет, потом изображаешь кораблик с трубой. А из трубы – дым. Вот и всё море.

– Да нет! Так я запросто могу. Хоть тысячу-миллион морей. Мне другое нужно... Как тебе объяснить? Ну, чтобы оно было, как настоящее. Понял?

– Так, Наташка, рисовать трудно. Придётся очень стараться.

– Пусть! Это же подарок... Вот ты в прошлом году в правдашнем море купался и рисуешь хорошо. Поможешь?

– Ладно, – согласился Альберт, и они пошли к Наташке домой...

– Нам с тобой только три часа осталось, – предупредила Наташка. – Ровно в шесть папа с субботника придёт. У них на работе месячник озеленения объявили.

– Запросто успеем, – успокоил Альберт. – Показывай, что у тебя есть...

Наташка открыла средний ящик серванта, достала краски, фломастеры, бумагу. Они разложили всё это на столе и принялись за работу.

Наташка нанесла на чистый лист волнистую голубую линию, отодвинулась, прищурила левый глаз и спросила:

– Похоже на волны?

– Вообще-то не очень, – сказал Альберт. – Когда дует сильный ветер, море темнеет.

Он взял другой лист бумаги и начал рисовать сам.

– Мне не нравится! – заявила Наташка. – Почему-то у тебя всё чёрным цветом закрасилось.

– Я же изображаю море в самую сильную бурю! Да ещё ночью. А ночью всегда темно.

– А луна?

– Луна? Луну облака закрыли.

– Знаешь что? Давай лучше рисовать море днём. И в хорошую погоду.

Альберт посмотрел на свой рисунок и сказал:

– Неохота снова начинать.

– Ну, как знаешь.

Наташка придвинула к себе голубую краску, обмакнула в неё кисточку, и... море начало получаться спокойным. В нём отражались облака и солнце. А вдали – похожий на чайку, плыл парусный корабль.

– Здорово! – похвалил Альберт. – И цвет точь-в-точь поймала. Голубой – даже смотреть больно... Только знаешь, кажется, рисунок очень уж маленьким получился... Послушай! Что, если нарисовать прямо на стене? Недавно я был в гостях, так там все двери разрисованы. Представляешь – простая дверь в другую комнату, а на ней, над крышами, печными трубами и какой-то башней, летит Карлсон. По-моему, на стене рисовать гораздо лучше... А твой отец не будет ругаться?

– Не-е, что ты! Он хороший и всё-всё понимает. Потом, это же подарок! А кто за подарки ругается? Давай быстрее стену выбирать!

Альберт внимательно осмотрел комнату и даже зачем-то взглянул на потолок.

– Кажется, эта сгодится, – наконец произнёс он. – Помнишь, ты говорила, твой отец любит лежать на диване. Вот он и будет лежать и смотреть на наше море. А оно, знаешь, как для здоровья полезно? Об этом все медицинские журналы в каждом номере пишут... А рисовать на твоих стенах – одно удовольствие: такие светлые обои наклеены...

Сначала они расстелили на полу газеты, придвинули стол к стене, и Альберт залез на него.

– Давай поделимся, – предложил он. – Я буду работать над небом, солнцем и облаками, а ты, Наташка, берись за воду – она у тебя лучше получается.

– Ладно, – согласилась Наташка. – Только, чур, очень стараться...

Наконец они закончили.

– Уф! – выдохнула Наташка и потянулась. – Устала же я.

– Я тоже, – честно признался Альберт. – Знаешь, давай отойдём, посмотрим, как получилось.

Они собрали газеты, поставили стол на место, отошли и сели на диван.

Картина получилась большой!

Море начиналось от пола – чудесное море, полное ярко-синей воды и блестящее, как зеркало. Разбрасывая брызги, по его поверхности носились дельфины, а вдали – похожий на чайку, плыл старинный корабль. На его узком корпусе горела гордая надпись: «Фрегат».

Небо тоже было красивым!

Оно, казалось, возникало из самой воды, отделённое от неё тоненькой бледной полоской, – прекрасное голубое небо, уходящее к потолку. По его глубоким просторам парили стаи мохнатых медленных облаков, и ярко-оранжевое солнце разбрасывало во все стороны жаркие длинные лучи.

– Посмотри, – вдруг сказала Наташка. – Комната стала другой. Какой-то светлой.

– И ещё будто раздвинулась и стала больше, – добавил Альберт.

– Вот папа удивится, – произнесла Наташка. – А сколько сейчас времени? Ух ты, половина седьмого! Он же сейчас придёт...

Я открыл дверь и вошёл в прихожую.

– Вы что такие чумазые? – удивился я, увидев Наташку и Альберта, с ног до головы обляпанных краской.

– Мы тебе подарок готовили, – объяснила дочь.

– Какой подарок? – насторожился я.

– А ты закрой глаза и пошли в комнату. Только, чур, не подглядывать!

Наташка взяла меня за руку и повела за собой.

– Всё, – разрешила она. – Теперь можешь смотреть!

И я открыл глаза.

Десять тысяч журавликов

- Ну что ж, – сказал отец Вадика. – Если хотите, расскажу о своих поездках.
- Конечно, хотим, – быстро ответила Наташка за себя и Альберта.
- Расскажи сначала про Японию, – попросил Вадик. – Это такая интересная страна!
- Ну хорошо. Про Японию, так про Японию. Только подождите минутку – трубку набью.

Он открыл коробку с табаком и аккуратно, маленькими щепотками стал насыпать табак в трубку.

- Какая у вас трубка интересная, – сказал Альберт. – А зачем на ней чёртик вырезан?
- Чёртик – для красоты. А вот дерево, из которого изготовлена трубка, действительно необычное. Это сандаловое дерево. Оно обладает очень тонким ароматом.
- А-а, знаю, – обрадовалась Наташка. – Из этого дерева делают духи и одеколоны!
- Насчёт духов и одеколонов не знаю, – улыбнулся отец Вадика, – но точно знаю, что из него изготавливают столы и стулья.
- Здорово, – сказал Альберт. – Стоит в комнате мебель и пахнет духами.
- Это ещё не самое интересное, что есть в Японии, – вступил в разговор Вадик. – Папа, расскажи про кошек.

– Кошки там действительно необычные – бесхвостые, с голубыми глазами, очень любят купаться и прекрасно плавают... Но что мы всё о кошках да о кошках. Я расскажу про город Хиросиму! В этом городе произошла самая страшная трагедия на земле, от взрыва атомной бомбы погибло двести тысяч человек... И сейчас, много лет спустя, та бомба приносит много горя. Дети и внуки людей, переживших ядерный взрыв, заболевают страшной болезнью – лейкемией. Лучшие врачи стараются победить болезнь, но, к сожалению, не всегда это удаётся, и тогда со всех концов Японии люди шлют маленьких бумажных журавликов. Японцы верят: если журавликов будет ровно десять тысяч, болезнь отступит. Такая вот сила якобы заключена в простых журавликах из бумаги...

- Когда вырасту, – вдруг произнесла Наташка, – то обязательно запрещу все-все пули, бомбы и снаряды.
- Тогда вырастай поскорее, – сказал отец Вадика.
- Папа, можно я пойду их провожу? – попросил Вадик.
- Только недолго. Тебе ещё две задачи по математике решить нужно...

- До завтра, – сказал Альберт. – Смотрите не забудьте, что у меня завтра день рождения!
- Ладно-ладно, – отозвалась Наташка. – Мы про твой день рождения уже целую неделю знаем.

И они разошлись по домам...

- Что-то ты сегодня подозрительно чистая, – удивился я, когда мы возвращались из детского сада.
- Вечно ты всё забываешь, – ответила дочь. – Сегодня у Альберта день рождения, – она на секунду задумалась и вдруг сказала: – Пойдём тоже со мной?
- Как-то неудобно. Там, наверное, одни дети собираются.
- Ну и что? Зачем тебе одному дома сидеть? А так с родителями Альберта познакомишься!
- Хорошо, – согласился я. – Уговорила...

Я выбрал самый красивый галстук, повязал перед зеркалом модным узлом, провёл щёткой по волосам и повернулся к Наташке.

– Ой, папа! – сказала она. – Какой ты сегодня красивый. Будь всегда таким!

– Постараюсь... Да, чуть не забыл. Нужно же подарить что-нибудь. Альберт сказки любит?

– Конечно, – ответила дочка. – Даже очень.

– Тогда мы ему подарим отличные сказки.

Я снял с книжной полки толстую серую книгу. На переплёте золотыми буквами было выведено: «П. Бажов. Малахитовая шкатулка»...

Во дворе, возле песочницы, нам повстречался Вадик.

– Это я уговорила папу с нами пойти, – похвасталась Наташка.

Мы поднялись по лестнице и позвонили имениннику.

– Что-то долго никто не открывает, – удивился Вадик. – Давайте ещё раз на звонок нажмём.

Мы позвонили ещё и ещё.

Вдруг приоткрылась соседняя дверь, и соседка сказала:

– Зря звоните, там нет никого. Часа два назад мальчика «скорая помощь» увезла.

– Как увезла? – в один голос спросили мы.

– Вот так. Аппендицит у него. Доктор сказал – операцию делать нужно. А ведь сколько раз Альберту говорила: не бегай, не бегай, и вот добегался.

– Поехали в больницу, – сказала Наташка. – Только узнаем, как он себя чувствует. Ну пожалуйста!

– Хорошо, – согласился я. Потом повернулся к Вадик: – А твои родители волноваться не будут?

– Нет, что вы. Я им потом всё объясню...

Мы остановили такси.

– Нам в больницу, – сообщила Наташка водителю. – Там Альберту операцию делают. У него аппендицит.

– Аппендицит – это не страшно, – сказал таксист. – Через неделю твоего Альберта уже домой выпишут.

Мы подъехали к больнице, и я попросил таксиста:

– Подождите нас, пожалуйста, только узнаем, как здоровье мальчика...

Через стеклянную дверь мы прошли в большой, ослепительно белый коридор. Там пахло лекарствами и куда-то спешили люди в белых халатах.

– Извините, где здесь можно узнать о здоровье мальчика? – спросил я в регистратуре.

– У него аппендицит, – добавил Вадик.

– Мальчика сегодня привезли?

– Да, – ответили мы все вместе. – Его имя и фамилия – Альберт Юлдашев.

– Его уже прооперировали. Врач сказал – очень запущенный случай.

– А как он себя чувствует?

– Пока состояние тяжёлое. Вы родственники?

– Нет, друзья, – ответила Наташка...

Мы вышли из больницы и опять сели в такси.

– Ну и как здоровье вашего Альберта? – поинтересовался водитель.

– Врач сказал: «Состояние тяжёлое. Очень запущенный случай», – ответил Вадик.

– Да, не повезло вашему другу. Наверное, надолго в больницу попал.

- А от аппендицита умереть можно? – вдруг спросила Наташка.
- Ещё как, – ответил таксист. – Вот недавно был случай...
- Остановите машину, – попросил я. – Дальше мы пешком пойдём...

Уже стемнело, когда мы возвратились домой.

- До завтра, – грустно попрощался с нами Вадик.

Но Наташка о чём-то задумалась и забыла сказать Вадiku: «До свидания»...

- Папа, – утром попросила меня дочь, – позвони в больницу.
- Я набрал номер. Трубку долго не поднимали, но вот далёкий голос произнёс:
- Вторая хирургия, слушаю.
- Я спросил о здоровье Альберта.
- Пока без изменений, – ответили мне.
- Нужно что-то делать, – грустно сказала Наташка.
- Но что?

Я попробовал успокоить дочь.

– Наташка, – сказал я бодрым голосом. – Врачи у нас опытные и лекарства лучшие в мире. Уверен, завтра Альберту станет гораздо лучше!

- Папа, – вдруг спросила моя дочь. – Ты умеешь делать бумажных журавликов?
- Что? – переспросил я. – Каких журавликов?
- Маленьких журавликов из бумаги.
- Нет, маленьких журавликов из бумаги я делать не умею. А зачем они нужны?
- Если мы сделаем ровно десять тысяч журавликов, Альберт выздоровеет!
- Что за фантазии? Вечно ты придумываешь разные глупости.
- Никакие не глупости, – обиделась дочь. – Я совершенно точно знаю: если будет ровно десять тысяч журавликов, Альберт выздоровеет!
- Но почему именно десять тысяч?
- Так надо. В Японии этим способом лечат страшную болезнь – лейкемию. А аппендицит и подавно вылечится.
- Но мы с тобой понятия не имеем, как делаются эти журавлики.
- Давай попробуем.

Мы убрали всё со стола и вытащили имеющуюся в доме бумагу. Первый журавлик у нас явно не получился. Второй тоже. Третий почему-то был похож на женскую шляпу с лентами.

Но постепенно мы научились делать журавлей!

Они вылетали из-под наших пальцев всё красивее и красивее, важно рассаживались на серванте, диване, стульях (на столе места больше не было), самые разные журавли – из газет, тетрадей в линейку и клеточку, салфеток, а также из неизвестно как попавшей в дом обложки журнала мод...

- Давай отдохнём, – попросил я. – Мы уже часа три работаем.
- Наташка рукавом утёрла потный лоб и сказала:
- Ой, как много получилось! Сосчитай, а то собоюсь.
- И я начал считать журавлей.
- Шестьдесят девять, – сказал я. – Кажется, десять тысяч мы и за год не сделаем.

В нашу дверь позвонили, и дочь пошла в прихожую.

- Это Вадик, – сообщила она оттуда. – Сейчас он нам тоже помогать будет.
- А сколько ещё нужно до десяти тысяч? – поинтересовался Вадик.

– Девять тысяч девятьсот тридцать один, – ответил я.
– Папа говорит, столько мы и за год не сделаем, – вздохнула Наташка.
– Я знаю, что нужно делать! – сказал Вадик. – Нужно звонить в каждую квартиру и просить, чтобы нам помогли. Сегодня воскресенье, на работу же никто не идёт.
– Правильно, – поддержала его Наташка. – Какой ты, Вадик, умный. Я бы никогда-никогда сама не додумалась.
– Тогда и я с вами пойду.
– Отлично, папа, – обрадовалась Наташка. – Вместе мы ещё быстрее все квартиры обойдём...

И мы стали звонить в каждую квартиру.
– Извините, пожалуйста, – говорили мы, – мы к вам по не совсем обычному делу. Наш друг, мальчик Альберт, тяжело болен, и, чтобы он выздоровел, необходимо сделать десять тысяч бумажных журавликов. Не могли бы вы нам помочь?

Сначала нас не очень хорошо понимали, но мы объясняли ещё и ещё, и постепенно люди начинали улыбаться.

– Конечно, мы поможем. С удовольствием поможем. Только научите нас делать этих журавликов.

Мы учили. А потом шли дальше и дальше....

Наступил вечер. Усталые, мы сидели за столом и из последней бумаги вырезали журавлей.

И тут раздался громкий звонок. Наташка побежала открывать и вдруг закричала:

– Ой, идите все сюда!

Мы с Вадиком бросились к двери и увидели множество людей. Люди стояли у нас в прихожей, перед настежь открытой дверью, на лестнице, даже в подъезде. Все они держали бумажных журавлей. Держали в сумках, авоськах, просто в руках.

Журавли были самые разные: очень большие и совсем крошечные, самых разных цветов и размеров. Журавлики, похожие на журавлей, и совершенно непохожие. Но самое главное, их было много. Очень-очень много. Наверное, целых десять тысяч!

Люди входили к нам в квартиру, выпускали журавлей на свободу. Журавлики тесно, крыло к крылу, рассаживались на подоконнике, книжных полках, телевизоре, просто на полу, на кухне, в ванной.

– Спасибо, – говорили мы всем: мужчинам и женщинам, детям и совсем пожилым уже людям. – Спасибо! Большое спасибо!

А они улыбались и спрашивали:

– Может, ещё что-то нужно сделать для Альберта?..

Утром я вновь набрал номер больницы.

– Как здоровье Юлдашева Альберта? – спросил я.

– Гораздо лучше. Худшее уже позади, – ответили мне.

– Ура! – закричали мы с дочерью. – Худшее уже позади!!!

– Нужно об этом всем-всем сообщить, – предложила Наташка.

И мы стали звонить в каждую квартиру.

День бега

Я отложил газету «Советский спорт» и спросил:

– Будешь пить чай?

Дочь на секунду оторвалась от своего альбома, где что-то раскрашивала фломастерами, и мгновенно предложила:

– Пап, давай откроем болгарский конфитюр?

– Ладно, – согласился я. – Только, по-моему, мы с тобой употребляем слишком много сладкого. От этого зубы портятся.

– Правда? – насторожилась Наташка. – А за год, например, сколько зубов может испортиться?

– Не знаю, – растерялся я. – Наверное, один.

– Тогда нечего бояться! Моих зубов на целых тридцать два года хватит. А с зубом мудрости – на тридцать три.

Я не стал спорить, набрал в чайник воды, поставил на газовую конфорку и открыл банку с конфитюром.

– Что нового в детсаду? – поинтересовался я.

Наташка вздохнула.

– Скучотища одна... Лучше расскажи про свою работу.

– Нашей архитектурной мастерской заказали проект нового стадиона, – похвастался я. – Представляешь, на сорок тысяч мест!

– А зачем нужен такой большой стадион?

– Как зачем? Знаешь, сколько людей посещают футбольные матчи, легкоатлетические соревнования, занимаются в спортивных секциях... Да, кстати! В нашей мастерской вывесили объявление. Завтра, оказывается, проводится День бега... А вот и вода закипела. Неси чашки.

Пока дочь доставала из серванта любимые сервизные чашки, я заварил чай.

Наташка осторожно налила чай в блюдце, подула и, смешно втягивая щёки, отхлебнула глоток.

– И что это за День бега? – поинтересовалась она.

– Не знаю, – честно признался я. – В объявлении написано: «Кто хочет участвовать, просим прийти в Парк культуры и захватить с собой спортивную форму».

– Вообще-то я больше люблю плавать и нырять, – сказала Наташка. – Навылет, в глубину и спиной вперёд!

– И где это ты так научилась? – подозрительно спросил я.

– Разве не знаешь? Возле 45-го дома уже целый месяц, как бассейн построили.

– Так поэтому вечером я тебя никогда не могу домой дозваться? Ты понимаешь, что можешь утонуть?

– Скажешь тоже. Маленькая я, что ли?

– Всё равно! Обещай, что больше туда ходить не станешь. Даёшь слово?

– Хорошо, хорошо, даю... Ой, что-то мне больше конфитюра не хочется. И во рту почему-то сладко стало!

– Это пройдёт, – успокоил я дочь и поинтересовался: – Что ты сейчас делать будешь?

– Наверное, рисунок дорисовывать. А ты?

– Смотреть футбол, – и я, включив телевизор, удобно устроился на диване.

«Матч сегодня явно не удался. И московские армейцы, и наши гости, футболисты Азербайджана, двигаются вяло, почти не бьют по воротам. Игра в основном проходит в середине поля, – скучным голосом произнёс комментатор. – За тридцать семь минут первого тайма практически не было создано ни одного острого момента...»

– Охота тебе смотреть такой скучный футбол, – сказала Наташка. – И потом, давно хотела спросить: те, кто занимается спортом, называются спортсменами?

– Да.

– А кто за них болеет?

– Болельщиками.

– А вот ты, папа, каждый вечер смотришь футбол, хоккей, баскетбол и один раз даже на городки телевизор не выключил. Как ты называешься?

– Я тоже болельщик и очень люблю спорт.

– Но ты им не занимаешься! По-моему, болельщиком должен быть тот, кто сам хоть чуть-чуть занимается спортом!

– Э-э, – сказал я. – Вечно у тебя в голове какие-то фантазии. Подумай сама. Утром – отвожу тебя в детсад. Потом на работе весь день стою за кульманом... Нет, слушай-слушай! Из сада тебя забрать, по дороге продукты купить, ужин приготовить и хоть иногда убрать квартиру. А ты спрашиваешь, почему спортом не занимаюсь. И сердце последнее время стало пошаливать.

– Поэтому и стало, что не занимаешься!

Я пожал плечами и прибавил в телевизоре громкость.

«...Итак, прозвучал свисток об окончании первого тайма. На табло у нас по-прежнему светятся нули, хочется надеяться, что в перерыве тренеры внесут коррективы в действия команд и вторая половина пройдет более интересно...»

Изображение на мгновение мигнуло, появилась миловидная дикторша и, почему-то виновато улыбнувшись, произнесла:

– Мы продолжим трансляцию матча минут через двенадцать-пятнадцать. А сейчас предлагаем вашему вниманию документальный фильм «В верховьях Енисея».

– А пойдём завтра на этот День бегуна? – вдруг предложила Наташка. – И спортивная форма у нас есть. Хочешь, твои кеды с антресолей достану?

– Хорошо, – согласился я. – Только сейчас ложись спать, уже без четверти одиннадцать.

Наташка закрыла глаза, перевернулась на живот, а я стал досматривать футбол.

Второй тайм оказался таким же скучным, и счет 0:0 сохранился до конца...

Утром мы отнесли бельё в прачечную, потом в сберкассе заплатили за квартиру и Наташкин детсад и поэтому опоздали.

Когда мы добрались до Парка культуры, День бега уже начался. Всюду были развешаны яркие транспаранты, эмблемы спортивных обществ, и громко играла музыка.

– Как много людей! – удивилась Наташка. – Совсем как на 1 мая или 7 ноября!

Действительно, людей было очень много. Одеты в разноцветные спортивные костюмы, они стояли плотными группами, улыбались, переговаривались между собой.

– А почему у всех номера? – поинтересовалась Наташка.

Я хотел объяснить, но не успел. Музыка стихла, и чей-то усиленный микрофоном голос произнёс:

– Товарищи! До старта осталось десять минут. Если есть опоздавшие, просим заявиться и получить номера участников!

– Мы! Мы опоздавшие! – закричала Наташка и потащила меня за собой.

– Наташка, – предложил я. – Давай лучше останемся болельщиками?

Я посмотрел на её ставшую сразу какой-то грустной фигурку и понял, что сегодня мне всё-таки придётся побегать.

Наши фамилии записали в протокол и выдали нам нагрудные номера.

– Итак, открываем праздник, посвящённый Дню бега! – произнёс микрофон тем же голосом. – Ещё раз повторяю, протяжённость трассы – один километр. Если кто-нибудь из участников почувствует недомогание, усталость, советуем сразу переходить на медленный бег или шаг. Помните, вы бежите километр здоровья!.. Прошу всех пройти за стартовую линию!

Высокий парень в синем спортивном костюме медленно поднял руку, нажал на курок стартового пистолета, и со звуком выстрела мы бросились вперёд...

Мы бежали по широким дорожкам парка мимо клумб с цветами, мимо шахматного павильона, танцплощадки, мимо застывшей на постаменте выкрашенной почему-то зелёной краской скульптуры девушки с веслом, мимо летней эстрады, где по воскресеньям играет духовой оркестр.

Я оглянулся.

Наташка бежала рядом, высоко выбрасывая колени и равномерно работая руками. Она тоже посмотрела на меня и спросила:

– Можешь быстрее?

Я кивнул и побежал быстрее.

Сначала мы обогнали двух полных женщин в одинаковых майках с надписью «Адидас», пожилого мужчину в очках, мальчика лет тринадцати в кепке с длинным козырьком.

– Отлично! – радостно крикнула Наташка. – Папа, прибавь ещё!

И я понёсся изо всех сил...

Вдруг я почувствовал, что ноги стали ватными. Я ловил воздух широко раскрытым ртом, но надышаться почему-то не мог. Я остановился и совершенно без сил опустился на землю.

– Что с тобой, папочка? Ну что с тобой? – сразу подбежала ко мне дочь.

– Ничего, ничего. Сейчас пройдёт.

А ко мне уже торопился врач в белом халате. Он быстро измерил пульс, фонендоскопом прослушал сердце и спросил:

– Когда последний раз занимались спортом?

Я попытался вспомнить, не смог и ответил:

– Наверное, ещё в школе.

– Так я и думал. А работа у вас, конечно, сидячая?

– Скорее, стоячая. Весь день черчу за кульманом.

– Что ж вы, милый мой, здоровье не бережёте? Вот и вес лишний набежал. Сбросить нужно. Обязательно сбросить...

– Д-з-з-з-з, – в мой сон неожиданно ворвался какой-то резкий дребезжащий звук, и я проснулся.

Рядом, на стуле, расставив стрелки на без десяти шесть, отчаянно заходилась будильник. Я накрыл его ладонью, испуганно обернулся. Но Наташка ровно посапывала и чему-то улыбалась во сне.

Стараясь не шуметь, я прошёл в ванную – под прохладным душем окончательно проснулся, достал с антресолей старые кеды, надел спортивный костюм и вышел на улицу.

Было ещё совсем темно и тихо, только за Парком культуры, подъезжая к переезду, подавала голос почему-то осипшая электричка.

Чтобы разогреться, я сначала сделал несколько гимнастических упражнений, а потом, стараясь глубоко и равномерно дышать, медленно побежал.

Ничуть не устав, я добежал до конца дома, повернул обратно и вдруг почувствовал, что за мой локоть ухватила маленькая Наташкина рука.

– Пап, – спросила Наташка, – теперь мы с тобой тоже будем спортивной семьёй?

«Дон» и «Магдалина»

Лучше всего горы были видны из окна Вадикиной комнаты. Их покрытые снегом вершины отчетливо выделялись на фоне неба, будто кто-то проложил за ними синюю-синюю фольгу.

– Знаешь, как называются эти горы? – спросил Вадик. – Тянь-Шань. Там мой отец работает. Показать, где?

Наташка кивнула.

Вадик вытащил из ящика письменного стола вчетверо сложенную географическую карту, развернул её, и Наташка увидела ярко-красную точку. Точка была большой и размытой. Она закрывала букву «н» в слове Тянь-Шань и подбиралась к городу Фрунзе.

– Это у меня фломастер расплылся, – объяснил Вадик, поставив палец в центр точки. – Смотри сюда. Здесь, на леднике, – гляциологическая станция. А отец – начальник этой станции! – похвастался он.

– Какое слово красивое – гля-цио-ло-ги-чес-кая, – медленно, по слогам произнесла Наташка. – Похоже на название конфет.

– Сказала тоже, конфет! – рассмеялся Вадик. – Гляциология – греческое слово и обозначает науку о льдах.

– Разве такая наука бывает? – удивилась Наташка. – Это же простой лёд. На нём играют в хоккей и... ещё мороженое в него кладут, чтобы не растаяло.

– Не знаешь – не говори! Изучать ледники очень важно. С них начинаются почти все реки. А реки дают воду полям.

– Как же их изучают?

– Разными приборами. Отец рассказывал, каждый день нужно измерять скорость.

– Чью скорость?

– Как ты не понимаешь! Ледник – это река. Только вместо воды – лёд. И он за день продвигается на несколько сантиметров.

– Я и не знала... Да, наверное, у твоего отца очень интересная работа.

– Интересная, – вздохнул Вадик. – Только он на свою станцию сразу на полгода уезжает.

– На так долго?

– Там смены такие.

– А я без папы столько не выдержу, – призналась Наташка. – И если он хоть на чуть-чуть куда-нибудь уедет, каждый день буду писать ему письма.

– Я тоже пишу, – признался Вадик и достал из ящика несколько запечатанных конвертов.

– Почему не отошлешь? – удивилась Наташка. – А хочешь, сама в почтовый ящик брошу, когда завтра в детсад пойду?

– Сказала! Как же они дойдут, если в горах нет ни почты, ни почтальонов. Скоро на станцию полетит вертолёт, он письма и захватит.

– Разве со станцией больше никак нельзя связаться?

– Можно. Там радиостанция есть.

– Вот если бы у тебя она была тоже, тогда с твоим папой можно было бы говорить хоть каждую минуту.

Вадик ничего не ответил, а подошёл к окну.

Внизу, во дворе, дворник Тамара сгребала в кучу облетевшие с деревьев листья, потом подожгла их. Узкие оранжевые язычки пламени весело заплясали на них, потом неожиданно пропали, и от костра повалил едкий, горький дым.

– Не люблю, когда жгут листья, – сказал Вадик. – Папа тоже не любит... И мама с работы не идёт, – вздохнув, грустно добавил он.

Наташка задумалась, потом произнесла:

– Сегодня в детсаду мы новое стихотворение учили. Про «Дона» и «Магдалину».

– Про какого «Дона»?

– А ты послушай!

*На далёкой Амазонке
Не бывал я никогда,
Только «Дон» и «Магдалина» –
Быстроходные суда, –
Только «Дон» и «Магдалина»
Ходят по морю туда...
Никогда вы не найдёте
В наших северных лесах
Длиннохвостых ягуаров,
Броненосных черепах.
Но в солнечной Бразилии, Бразилии моей,
Такое изобилие невиданных зверей!*

Наташка на одном дыхании выпалила стихотворение, потом поинтересовалась:

– Не знаешь, что такое броненосная черепаха?

– Наверное, черепаха с панцирем из брони. Ну, как у танка.

– А разве такие бывают?

– Это же Бразилия! Там непроходимые джунгли! В них, наверное, до сих пор живут неизвестные науке звери... Да, а кто сочинил стихотворение?

Наташка подумала, потом призналась:

– Какой-то английский писатель. Только фамилию забыла. В детсаду помнила, а сейчас забыла. Но всё равно мне стихотворение очень нравится.

– Мне тоже. Когда его слушаешь, будто тоже путешествуешь в разные края. Я, когда вырасту, обязательно буду, как папа... – Вадик помолчал и спросил: – Повтори ещё раз, где про ягуаров.

Наташка повторила.

– Дальше не нужно, – остановил он. – Я уже выучил.

– Так быстро? – не поверила Наташка.

– А у меня память хорошая, – похвастался Вадик. – Только дикция хромает. Учительница Марина Сергеевна говорит, что поэтому я всё без выражения рассказываю. И тройки ставит за это. А за память хвалит... Вот хочешь, по фамилиям назову, кто в московском «Динамо» играет?

– Не-а, – отказалась Наташка. – Мне футбол не нравится. Каждый вечер по телевизору его по всем программам гоняют. Из-за этого сколько интересных передач пропадает.

– Сказала! Если хочешь знать, футбол – самая интересная передача. Я его больше всего... Ой, смотри!

Маленький зелёный автобус с белой надписью «Изыскательская» въехал прямо во двор, из него вышла Вадикина мама и заторопилась в подъезд.

– На этом автобусе папа всегда домой возвращается! – радостно закричал Вадик и побежал открывать дверь.

– Вот хорошо, что ты дома, – обрадованно сказала Вадикина мама. – А я боялась, что не застану и придётся тебя искать. Собирайся скорее. Через полчаса связь со станцией!

– Ура!!! – крикнул Вадик на всю квартиру. – Я с папой поговорю!!!

– Можно к вам вечером прийти? – спросила Наташка.

– Конечно, – разрешила Вадикина мама. – Вечером мы с Вадиком пироги печь будем...

Зелёный автобус нёсся вперёд, обгоняя неуклюжие троллейбусы, проскакивая перекрёстки на жёлтый свет.

Вадик смотрел, как за окном мелькают деревья, машины, дома, и думал, что скажет папе. Конечно, папа понимает, что учиться в первом классе сложно, но про тройки по чтению лучше не говорить. Лучше рассказать что-нибудь другое.

Вадик стал перебирать в памяти события последних дней, но интересное не вспоминалось.

Не вспоминалось, и когда они с мамой вошли в высокое здание с колоннами, поднялись на лифте на восьмой этаж. Потом нужно было идти по длинному коридору, в который выходило множество дверей. Мама подошла к одной из них, и на ней Вадик увидел табличку «Узел связи».

– Нам сюда, – сказала мама и открыла дверь.

В просторной, ярко освещённой комнате стояло множество каких-то сложных приборов, и Вадик засмотрелся на мигающие в них лампочки, скачущие по шкалам и делениям разноцветные стрелки.

Мама что-то спросила у девушки, которая внимательно следила за работой приборов, и она показала в дальний конец комнаты.

Там, за столом с рацией, на металлическом стуле с кожаным сиденьем сидел радист. Наушники плотно прилегали к его светлой стриженной голове, и Вадик показалось, что он очень похож на французского лётчика из кинофильма «Нормандия – Неман», который недавно показывали по телевизору.

Радист обернулся, подмигнул Вадик и вдруг, наклонившись вперёд, чётко произнёс в маленький оранжевый микрофон:

– Ноль тридцать седьмая! Ноль тридцать седьмая! Слушаю вас. Приём!

Вадик почувствовал, как мамина рука напряглась и сжала его локоть.

– Завтра с четырнадцати до пятнадцати ждите вертолёт, – сказал радист. – Заказ на сейсмописец и аккумуляторы принял. А сейчас маленький сюрприз для вашего начальника.

Он стянул с головы наушники и протянул Вадикойнй маме.

Вадик тоже подался вперёд, прижался к маминой щеке и попытался услышать папин голос.

Но ничего не было слышно.

– Мы тебя ждём, – сказала мама. – И очень соскучились. Вадик здоров, учится хорошо, мне помогает. Он здесь, со мной рядом.

Чёрные круглые наушники вдруг оказались на Вадикойнй голове, и очень далёкий, слабый папин голос произнёс:

– Вадик!

Вадик радостно набрал полную грудь воздуха и хотел рассказать папе, как рад его голосу, как соскучился по нему, и даже про тройки по чтению, как бегают в магазин за хлебом и молоком, как отлично научился гонять на велосипеде – даже без рук, и про то, что вчера пылесосил ковёр, починил вилку от телевизора и ещё много-много разных других вещей, за которые папа обязательно должен похвалить.

– Что же ты молчишь? – спросила мама и тронула Вадика за руку. – Что с тобой? Сейчас связь кончится!

– Пап, – вдруг неожиданно для себя сказал Вадик. – Я тебе стихотворение расскажу. Слушай.

*На далёкой Амазонке
Не бывал я никогда,
Только «Дон» и «Магдалина» –
Быстроходные суда, –
Только «Дон» и «Магдалина»
Ходят по морю туда...*

Звонкий Вадикин голос чётко и отчётливо выговаривал каждое слово, и если бы учительница Марина Сергеевна тоже слышала его, то обязательно поставила бы пятёрку по чтению.

Крейсер «Аврора»

– Пап, – сказала Наташка вечером. – Меня Галина Викторовна похвалила.

Я аккуратно разбил пять яиц, вылил их содержимое на сковородку и, обернувшись к Наташке, предположил:

– Наверное, ты быстрее всех обед съела. Или в тихий час хорошо себя вела?

– Не угадал, – поправила меня Наташка. – И потом, вечно ты забываешь. Галина Викторовна у нас музыкальные занятия проводит. Мы уже столько песен разучили! «Пусть бегут неуклюже», «Голубой вагон», «Крейсер „Аврора“».

– А что, есть такая песня?

– Её давным-давно все знают! И в нашем саду. И в школе напротив. И даже почтальонша Леночка напевает, когда кидает газеты в почтовый ящик. Сама слышала! Пап, а пап. Давай я тебя этой песне научу. Ты её на работе петь будешь. Ведь скучно целый день сидеть за чертежами... Ой, а яичница пригорела!

Я быстро схватился за горячую сковородку, но тут же отдернул руку и стал дуть на пальцы.

– Сунь под холодную воду, – заволновалась Наташка. – А то волдырь вскочит!

Другой рукой я выключил газ и посмотрел на испорченную яичницу.

– Знаешь, – вздохнул я. – Это были наши последние яйца.

– Ну и пусть. Откроем лучше инжировое варенье.

Я вздохнул ещё раз и вытащил из шкафа банку.

– Открывай, открывай быстрее! – заторопила меня Наташка.

Но я сначала заварил чай, намазал хлеб маслом и только потом открыл варенье. Дочь мгновенно подцепила ложкой самую большую инжирину, отправила в рот и зажмурилась от удовольствия.

– Послушай, – заметил я. – Хлеб с маслом тоже нужно есть.

– Угу, – согласилась Наташка с набитым ртом. – Я им после закусывать буду.

– Так за что всё-таки Галина Викторовна тебя похвалила? – поинтересовался я. – Ты и не рассказала.

Наташка облизала сладкие вареньевые губы и серьёзно произнесла:

– За то, что у меня слух абсолютный.

– Какой-какой? – переспросил я.

– Абсолютный! Самый лучший, значит. И ещё сказала, что меня обязательно нужно учить музыке. Вот!

– А что, хорошая идея! У нас на работе, например, у многих дети музыкой занимаются. Маргариты Степановны дочь даже на арфе. Почему на арфе, спрашиваю. А она: «Да как вы не понимаете?! Это сейчас престижно».

– Мне арфа не нравится, – быстро сказала Наташка. – У неё звук пищащий. Я на фортепиано учиться хочу.

– Фортепиано – прекрасный инструмент, – согласился я. – Только, говорят, в музыкальную школу трудно поступить.

– Не-а! Соседский Альберт говорит, что уже и объявление повесили... «Объявляется приём» называется.

– Куда приём?

- В музыкальную школу. Этот приём прямо завтра и будет. В девять часов.
- Мне же на работу нужно.

Наташка сразу надулась, замолчала, и я понял, что с работы придётся отпрашиваться.

- Ну хорошо, – согласился я. – Но, Наташка, ты ведь совсем не подготовлена.

- Кто тебе сказал? – гордо произнесла дочь. – Я уже целых три дня усиленно готовлюсь...

Вот скажи: что такое фортепиано?

- Тоже, спросила! Это каждый знает.

- И не каждый. Ты, например, не знаешь.

– Я не знаю! – обиделся я. – Фортепиано – инструмент с клавишами. Белыми и чёрными, – я задумался на секунду и добавил: – А внизу у него две педали.

– Не знаешь, не знаешь! – засмеялась Наташка. – Фортепиано – итальянское слово. По-русски – громко-тихо... Теперь я в Италию спокойно поехать смогу. Скажу «форте» – громко, значит, или «пиано» – тихо, и все-все итальянцы меня поймут!

– Действительно, не знал, – честно признался я. – Но, наверное, на экзамене не только об этом спрашивают?

– Остальное легкотня! Альберт говорит, что там ещё нужно песню спеть. А я целых девять на память знаю. И «Миллион алых роз» – все куплеты.

– Не нравится мне твоя самоуверенность, Наташка. По-моему, нужно быть гораздо скромнее.

Наташка задумчиво выловила из банки последнюю инжирину и произнесла:

- Очень скромным – тоже плохо. Нет, всё-таки нужно быть уверенным.

- Вот-вот. Уверенным, а не самоуверенным!

Наташка молча отнесла чашки в раковину, смахнула крошки со стола, потом сказала:

- Я подумаю над этим. А сейчас не мешай, я посуду мыть буду...

...Когда утром мы подошли к троллейбусной остановке, часы показывали пять минут десятого. Наташка нетерпеливо топала ногой и каждую секунду посматривала на время. Наконец из-за поворота показался новенький голубой троллейбус, притормозил возле нас, распахнул дверную гармошку, и мы поехали.

В музыкальной школе было много народа, и сначала мы растерялись.

– Скажите, где здесь экзаменуют? – обратился я к полной женщине в ярком цветастом платье. Женщина крепко держала за локоть мальчика в кружевной рубашке с завязанным на шее бантом, какие носят артисты.

Мальчик был грустный.

Женщина оглядела нас с Наташкой и поинтересовалась:

- На какой инструмент поступаете? На виолончель?

– Нет. Дочь очень хочет на фортепиано. Мы первый раз пришли и не знаем, к кому обратиться.

– Слышишь, Антон! Посмотри! Девочка хочет учиться. А ты?.. Я ведь уже и пианино достала. Прекрасный импортный инструмент, – поделилась она с нами. – Представляете? И цвет к остальной мебели точно подходит. А этот чертёнок заладил: не буду да не буду. Ничего, всё равно заставлю! Да, вам сначала нужно написать заявление и отдать секретарше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.